

***Х.С.Гафаров,
Ю.Ю.Гафарова***

Перспективы “сетевого” взаимодействия казахстанской и белорусской культур

*Х.С.Гафаров, доктор философских наук,
профессор Белорусского государственного
университета культуры и искусств;
Ю.Ю.Гафарова, кандидат философских наук,
доцент филиала Российского государственного
социального университета в г. Минске*

Транскультурный характер современного мира

В качестве ключевой посылки данной статьи выступает указание на гибридизированный характер современных культур, связанный с размыванием автохтонных традиций, происходящих под влиянием современных форм социальной и культурной жизни.

Эксплицируя эту культурную специфику, известный немецкий философ Вольфганг Вельш (*Wolfgang Welsch*) описывает современные локальные культуры как транскультурные образования – типологически сходные, незамкнутые в себе целостности, нечеткость границ которых с неизбежностью ставит их в реальную ситуацию постоянных взаимодействий – конфликтов, обмена и диалога [5, с. 119–144].

Наложение транскультурности на мультикультурный характер казахстанского и белорусского регионов

Культурная гибридизация характерна для казахстанской и белорусской ситуаций. Их “встреча” в Новое и Новейшее время с европейской модерностью, определяющее влияние на их развитие российской культуры в XX в. – все это приводит к выборочному заимствованию как определенных черт модерна, так и ряда установок русской культуры. Это

дает начало формированию локальных культур как образований мультикультурных.

Глобальная транскультурность XX в. усилила существенные черты казахстанского и белорусского мультикультурализма – децентрированность, открытость, ориентированность на взаимодействие множественных идентичностей, мультилингвизм, мультиэтнизм, мультиконфессиональность, высокую степень культурной рецептивности, интертекстуальность. Все это культурные характеристики, весьма востребованные в современном меняющемся мире. Однако в настоящее время в казахстанском и белорусском социумах существует, скорее, принятие этих черт на имплицитном уровне, чем их эксплицирование и создание культурных моделей с учетом этих преимуществ. Между тем динамика современной мировой системы ставит перед обществами новые проблемы, решение которых требует планомерного формирования *рефлексивных моделей мультикультурализма.*

Значимость рефлексивных моделей мультикультурализма для “вписывания” в социум групп с “новой идентичностью”

Активность информационных процессов к концу XX – началу XXI в. стала столь высокой, что возникла необходимость адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному обществу. Важнейшим ресурсом постиндустриального социума оказывается не традиционное географическое пространство с закрепленными на нем физическими людьми и производственными мощностями, а интеллект, информация и финансы, не знающие материальных границ и легко перемещающиеся в виртуальном пространстве с помощью информационных технологий. В результате этих перемещений формируется общее коммуникационное

пространство, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации. Основными последствиями развития и распространения информационных технологий являются выделение во всех странах мира групп людей, связанных с информационными технологиями, и их обособление в глобальные автономные сообщества с собственными ценностями.

На волне глобализации и информатизации интегративные тенденции приобретаются и рядом ранее сложившихся групп, описывавшихся прежде как “субкультуры”, т. е. рядом групп, в которых место функциональных организационных критериев занимают “врожденные” свойства возраста, пола, религии или внешнего вида. Более того, появляются новые интегративные сообщества, объединяющие своих членов по профессиональным интересам, религиозным взглядам, досуговым пристрастиям либо протестному потенциалу. Диалог внутри групп подобного рода осуществляется по принципу совпадающих смысловых структур, с общими стереотипами, оценками, едиными параметрами требуемого поведения, а участие в их жизни дает вовлеченным лицам возможность образования собственной когнитивной и коммуникативной компетенции, новых форм выражения и упорядочения времени, шанс на достижение хотя бы символического, но независимого социального признания.

Интегративные культуры становятся в настоящее время глобальными. Создавая новый социальный контекст, формируя идентичность и глубинные ценности своих членов, они выступают в качестве экспериментального поля изменяющегося общества.

Ситуация эта касается и Казахстана, и Беларуси. Фрагментация и информатизация казахстанской и белорусской культур ведут к индивидуализации позиций и диверсификации образцов потребления и жизненных

стилей. На полях казахстанской и белорусской мульти(транс)культурности появляются новые “игроки”, которые должны учитываться при рефлексивном развитии мультикультурных моделей.

Таким образом, в условиях глобализации Казахстану и Беларуси необходимо и далее развивать собственные культурные модели, включая в них в качестве социально толерируемых новые социальные, этнические, религиозные и культурные группы. Это означает, что необходимо расширять пространство различной мультикультурной практики, предоставляя тем самым индивиду право выбора собственной идентичности. Только такие стратегии способны решить проблему индивидуальной идентичности человека в “большом” меняющемся мире.

Кроме того, в новой ситуации рефлексивная модель должна быть направлена на экспликацию глубинных ценностных и нормативных установок казахстанской и белорусской мульти(транс)культурности, сохранение лучшего из культурного наследия регионов, пропаганду сознательных интеракций индивидуумов, которые бы вписывались в традиционно очерченные модели неконфронтационных действий, т. е. в схемы диалога и совместного строительства сообществ, основанных на взаимоуважении и сотрудничестве.

Роль сетевого взаимодействия в решении проблемы создания рефлексивных мультикультурных моделей

На наш взгляд, построение рефлексивных мультикультурных моделей Казахстана и Беларуси может быть оптимизировано посредством *сетевых коммуникаций*.

Говоря о сетевых межкультурных коммуникациях, мы отсылаем к двум смыслам понятия “сетевой”.

Во-первых, мы, вслед за Вольфгангом Вельшем, указываем на *сетевой характер общемирового культурного*

пространства, где различные локальные культуры выступают в качестве “коконов”, обладающих типологическим сходством [6, с. 31–47]. Отсутствие иерархии современных культур дает возможность, способность и право любым из них вступать в контакты различного рода и уровня, не опосредуя их парадигмами “Центр–периферия” и “Запад–Восток”.

Во-вторых, мы обращаемся к тому понятию *сетевого* (*network*), которое было разработано канадским социологом Барри Веллманом (*Barry Wellman*) в концепции “города-сети” 1973 г. [3, с. 57–88.] и получило свое развитие в работах 90-х гг. нидерландского социолога Яна ван Дейка (*Jan van Dijk*) [4] и американского социального теоретика Мануэля Кастельса (*Manuel Castells*) [1; 2], констатировавших перемены в институализации современных обществ: разрушение иерархических устоев и формирование новой, сетевой структуры. В качестве сетевого характеризуется в данном случае социальный феномен, который развивается спонтанно в результате взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей.

Кастельс определяет сеть как множество взаимосвязанных узлов, т. е. точек, в которых петли взаимно пересекаются. Сеть – это архаический способ социальной организации, вновь ставший актуальным в информационную эпоху, поскольку имеет два основных преимущества перед иерархически организованными морфологическими связями. Во-первых, сеть – это наиболее подвижная форма организации; во-вторых, она обладает высокой степенью адаптивности, т. е. способна развиваться вместе с эволюцией узлов. В информационную эпоху затруднение в управлении сетями, координировании функций и распределении ресурсов решается с помощью информационных технологий. Сети становятся объемными, оставаясь при этом интерактивными, и обеспечивают

беспрецедентное сочетание подвижности и операциональности, скоординированности и децентрализованного исполнения.

В информационную эпоху область культуры как ценностно-нормативной сферы и совокупности различного рода практики также представляет собою разновидность подвижной сети. Специфика ее структуры задается децентрированностью, отсутствием иерархии и самостоятельной значимостью каждого из элементов. При этом речь не идет о “мировой деревне” как некотором унифицированном пространстве глобальной культуры. Напротив, каждое единичное локальное культурное пространство в значительной степени диверсифицировано, имеет свои специфические сегменты и аудитории. Такое состояние Вельш характеризует как состояние “новой разнородности” [6, с. 31–47].

Обращаясь к первому значению определения “сетевой”, мы говорим о необходимости совместных действий типологически близких культур (в нашем случае – белорусской и казахстанской), как “коконов” (или “уплотнений”) единой общемировой культурной сети, по осмыслению новой разнородности и созданию рефлексивных мультикультурных моделей; обращаясь же ко второму значению – подчеркиваем необходимость практической реализации этого предложения на сетевом уровне во втором смысле слова – как коммуникацию и сотрудничество между сходными “узлами” каждого из “коконов”.

Создание проектов межкультурной коммуникации

Реализация проектов коммуникации, нацеленной на совместную выработку стратегий межкультурного и внутрикультурного сближения, оптимальным образом может быть основана на принципах: а) “взаимодействия равных” и б) “открытия ресурсов” – вместо опоры на внутренние, закрытые и иерархические образцы. То есть

данные проекты могут планироваться как межкультурные коллективные действия широкого круга независимых субъектов, ориентированных на решение собственных насущных проблем, способных к самоорганизации и развитию, максимально динамичных, активных и инициативных.

Подобные проекты межкультурной коммуникации могли бы реализовываться по двум направлениям: а) свободные академические междисциплинарные мероприятия, нацеленные на рефлексии над ситуацией и выработку рекомендаций; б) практические действия, ориентированные на непосредственную двустороннюю коммуникацию групп идентичности различного уровня.

То есть для совместного “интеллектуального штурма” проблемы моделирования мультикультурного социума необходимо не только использование традиционной практики академической коммуникации, таких как стажировки, тематические конференции и культурные обмены, но создание, к примеру, открытого финансируемого фонда, ориентированного на грантовую поддержку исследовательских проектов и междисциплинарных конференций различной тематики, обязательным требованием для которых был бы казахстанско-белорусский состав участников.

Кроме того, по сходной схеме можно было бы выстраивать сетевые взаимодействия в культурной сфере на низовом внеакадемическом уровне: поощрять проекты, дающие возможность вписывания различных идентичностей в ткань внутрикультурного взаимодействия. Важным в данном случае является именно низовой характер инициативы, т. е. ориентация планирования и проектирования не на проведение “декад культуры”, мероприятий различного уровня, тематика которых была бы определена “сверху” и т. п., а на предоставление

финансовой и организационной поддержки проектам, предложенным самими группами с разнородной “новой идентичностью”, т. е. группам, которые предстоит успешно вписать в существующий мультикультурный контекст. Это могло бы осуществляться, к примеру, путем ежегодного объявления конкурса финансируемых экспертируемых проектов совместного (казахстанско-белорусского) взаимодействия на уровне различного рода организаций и движений – от пенсионеров, ищущих возможности вторичной трудовой реабилитации, женщин – индивидуальных предпринимателей – до молодых реконструкторов или музыкантов и т. д. Основным требованием к проектам этого рода могло бы стать обязательное участие казахстанской и белорусской сторон, основным ограничителем – отказ в рассмотрении проектов, имеющих дегуманизированный либо деструктивный характер.

Таким образом, поддержка подобного рода сетевых – как академических, так и внеакадемических проектов – могла бы послужить как выработке рефлексивной модели мультикультурности, так и непосредственному сближению различных групп с их стимулированием, ориентированным на поднятие их престижа и социальной значимости.

Castells, M. Communication Power / M.Castells. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2009. – 571 p.

Castells, M. Materials for an Exploratory Theory of Network Society / M.Castells // The British Journal of Sociology. – 2000. – № 51 (1). – P. 5–24.

Craven, P. The Network City / P.Craven, B.Wellman // Sociological Inquiry. – 1973. – № 43 (Winter). – P. 57–88.

Dijk, van, J. The Network Society / J. van Dijk. – London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage, 2006. – 292 p.

Welsch, W. Auf dem Weg zu transkulturellen Gesellschaften / W.Welsch // Die Zukunft des Menschen – Philosophische

Ausblicke / Hrsg. v. Gunter Seubold. – Bonn: Bouvier, 1999. – S. 119–144.

Welsch, W. Tożsamość w epoce globalizacji – perspektywa transkulturowa / W.Welsch // Estetyka transkulturowa / red. K.Wilkoszewska. – Kraków: Universitas, 2004. – 455 s. – S. 31–47.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ